

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 6

БРАСЛЕТ ДЛЯ АНАСТАСИИ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Браслет для Анастасии

«Автор»

2026

Карадениз М.

Браслет для Анастасии / М. Карадениз — «Автор», 2026

Ленинград, 1942 год. Блокада. Голод. Смерть стала привычной, но убийство директора Эрмитажа — не обычная смерть от дистрофии. Капитан НКВД Алексей Ухтомский чувствует: за этим стоит нечто большее, чем случайность. След тянется из промёрзшего Смольного в 1918 год — в Екатеринбург, в дом Ипатьева, где после расстрела царской семьи бесследно исчез браслет великой княжны Анастасии. Украденное золото переходило из рук в руки, а за ним тянулась смерть. Теперь браслет всплывает в блокадном Ленинграде — и снова кто-то готов убивать. Спустя восемьдесят лет правнучка Алексея находит его дневники. Чтобы узнать правду, ей предстоит судиться с наследниками советского генерала, расшифровывать старые шифры, прятаться от погони и рисковать собственной жизнью. Вопрос не в том, найдёт ли она браслет. Вопрос в том, какую цену придётся заплатить.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. «Тайник под половицей»	5
ЧАСТЬ I. «БЛОКАДНЫЙ СЛЕД»	8
Глава 1. «Список из восьми имён»	8
Глава 2. «Альбом из подвала»	10
Глава 3. «Пропажа в описи»	13
Глава 4. «Псковский перекупщик»	17
Глава 5. «Встреча с Л	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мурат Карадениз

Браслет для Анастасии

Пролог. «Тайник под половицей»

Время: 16 июля 1918 года, 23:30

Место: Екатеринбург, дом Ипатьева, комната великих княжон

1918 | Анастасия Романова

В комнате пахло нафталином, сыростью и чем-то сладковатым — то ли сушёными яблоками, то ли старыми духами. Анастасия сидела на корточках в углу, у стены, и ногтями отдирала половицу.

Доски поддались не сразу — смола за многие годы прикипела намертво, и один ноготь сломался, оставив на дереве розовый след. Она не обратила внимания. Время поджимало.

— Шшш, — прошептала она себе под нос. — Тихо, тихо...

За дверью шагали. Охрана. Их сапоги стучали по коридору с одинаковым интервалом — раз-два, раз-два. Как маятник. Как отсчёт.

Она знала, что её сёстры в соседней комнате. Ольга что-то тихо говорила Татьяне, Мария, кажется, плакала — или это ветер гудел в печной трубе? Анастасия уже не различала.

Половица наконец поддалась. Она отложила её в сторону и запустила руку в образовавшуюся щель.

Там было пусто. Только пыль и старый гвоздь.

— Господи, помоги, — выдохнула она.

И начала складывать.

Первыми пошли кольца. Три штуки — фамильные, с бриллиантами, которые мать носила ещё при дворе. Анастасия сняла их с пальцев не глядя, на ощупь, потому что в углу было темно. Кольца упали в тайник с глухим стуком — хорошо, что дерево, а не камень.

Потом — брошь. Материна брошь с сапфирами и бриллиантовой веткой. Анастасия разжала кулак, в котором держала её последние полчаса, и брошь ушла следом, сверкнув в луче лунного света из окна.

Потом — жемчужная нитка. Три ряда, пятьдесят семь жемчужин, каждая размером с горошину. Подарок прабабушки. Анастасия зажмурилась и опустила нитку в тайник, как прячут змею в нору.

Оставался браслет.

Она взяла его в руку. Тонкое золото, императорский орёл на застёжке, и внутри — гравировка: «А.Р.» Anastasia Romanova.

Это был её день рождения. Восемнадцать лет ей должно было исполниться через год. Не исполнится.

Она зажала браслет в кулаке так сильно, что золото впилось в ладонь. Губы шевелились сами собой, произнося слова, которые она слышала в детстве от матери, от бабушки, от священника в церкви Александровского дворца.

— «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную...»

Она не договорила. За дверью шаги стихли, а потом раздался голос — молодой, незнакомый:

— Вы чего не спите, ваше высочество?

Анастасия подняла голову.

В дверях стоял красноармеец. Молодой, лет двадцати, с впалыми щеками и испуганными глазами. Винтовка за плечом висела криво, как будто он боялся её больше, чем она — его.

— Не ваше дело, — сказала Анастасия, и голос её не дрогнул.

Она не знала, куда спрятать браслет. Руки были на виду. Лицо — на виду. Половица валялась рядом.

Красноармеец посмотрел на неё, потом на дыру в полу, потом снова на неё.

— Вы это... — начал он и замолчал.

Анастасия смотрела ему прямо в глаза. Она не молила, не просила, не угрожала. Она просто смотрела — тем взглядом, который остаётся у людей, когда им уже нечего терять.

Красноармеец опустил глаза.

— Спокойной ночи, ваше высочество, — сказал он и закрыл дверь.

Анастасия выдохнула. Положила браслет в тайник последним. Придвинула половицу на место. Пристукнула ладонью.

Никто бы не догадался, что доски трогали.

Она встала, отряхнула платье и пошла к кровати. Легла поверх одеяла, закрыла глаза и стала ждать.

Утром она услышала, как хлопнула дверь подвала.

Потом защёлкали автоматы — коротко, сухо, как палкой по забору.

Потом закричала Мария: «Мама!»

Потом — тишина.

Через два часа в комнату вошли чекисты.

Их было трое. Один — молодой, с рыжими усами и маленькими глазками. Второй — постарше, с холодным, как у следователя, взглядом. Третий — совсем мальчишка, конвоир, который топтался у порога и боялся дышать.

— Ищите, — сказал рыжий. — Всё подчистую. Каждую щель.

Они перевернули комнату. Выдвинули ящики, вытряхнули матрасы, перерыли шкафы. Рыжий сам отодвинул кровать от стены, присел на корточки и постучал по половицам костяшками пальцев.

— Глухо? — спросил второй.

— Глухо, — ответил рыжий.

Он добрался до угла. Постучал. Прислушался. Постучал ещё раз.

— А вот здесь не глухо, — сказал он.

Анастасии в комнате уже не было. Она лежала в подвале, среди таких же, как она, тел — перепутанных, окровавленных, больше не нужных никому, кроме истории.

Но браслет был здесь.

Рыжий поддел половицу ножом. Щель. Ещё немного. Половица поддалась.

— Ланской, — позвал он. — Иди сюда. У нас тут кое-что есть.

Второй чекист подошёл, заглянул в тайник. Сказал:

— Неплохо.

Они выгребли всё — кольца, брошь, жемчуг, браслет. Уложили в мешок. Рыжий приказал:

— Грузи в машину. В Москву отправим, там опись составят.

Ланской кивнул. Взял мешок, вышел во двор.

Дорога до Москвы заняла пять дней. Гражданская война только разгоралась, поезда ходили с перебоями, и состав, в который погрузили ящики с ценностями, стоял на запасных путях то в Перми, то в Глазове, то в Вятке.

Ланской нёс караул. Ночью, когда все спали, он открыл ящик, нашёл браслет, сунул его в свой вещмешок.

Своим он не сказал ничего.

В Москве ценности принимал худой человек в пенсне. Он пересчитал кольца, брошь, жемчуг, сверил с описью, составленной в Екатеринбурге, и нахмурился.

— А где браслет? В описи значится «браслет золотой с гравировкой А.Р.». Нету.

— Утратили при транспортировке, — сказал Ланской. — Война. Беспорядки.

Худой человек посмотрел на него поверх пенсне.

— Свидетели есть?

— Я. И Глухов.

Худой человек вздохнул, поставил в описи пометку «утрачено» и расписался.

Ланской вышел на улицу. В кармане лежал браслет, который стоил больше, чем всё, что он заработает за десять лет службы.

Он улыбнулся.

Через месяц чемодан с ценностями пришёл в Петроград. В описи, которую Ланской собственноручно подписал, браслета не было.

Там была только строчка:

«Утрачено при транспортировке. Свидетели — м.л. сотр. Ланской Ф., м.л. сотр. Глухов Г.»

Два свидетеля.

Один жив до сих пор.

Второй умрёт через тридцать девять лет, но браслет не вернёт никогда.

Ланской-отец сидел в своей комнатухе в Петрограде, держал в руках тонкое золото с императорским орлом и думал о том, что сегодня он переступил черту. Не первую и не последнюю.

— Анастасия, — сказал он вслух. — Прости.

Браслет блеснул в свете керосиновой лампы.

Ланской спрятал его в карман и вышел на улицу. В городе было холодно, голодно и темно. Но он знал, что скоро всё изменится — и не в ту сторону, которую выбрала история.

Браслет ждал.

Он пролежит в тайниках, перейдёт из рук в руки, переживёт войну, блокаду, смерть одних и рождение других. И через сто лет его положат под стекло в Эрмитаже — с табличкой, где будет написано: «Возвращён».

Но это случится не при Ланском.

Он умрёт в тридцать седьмом, в лагере, так и не узнав, что его подмена не спасла браслет, а только отсрочила правду на поколение.

ЧАСТЬ I. «БЛОКАДНЫЙ СЛЕД»

Глава 1. «Список из восьми имён»

Время: 5 января 1942 года, 10:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея

Блокада | Алексей Ухтомский

Кабинет был холодным, как склеп. Ртуть в градуснике на стене застыла на отметке «минус двенадцать», и Алексей не снимал шинели — только расстегнул верхнюю пуговицу, чтобы дышалось свободнее. За окном, в сером небе над Невой, кружил немецкий разведчик. Уже месяц Ленинград жил под этим жужжанием, как под колыбельную смерти.

Алексей Ухтомский сидел на шатком стуле напротив нового замначальника УНКВД по Ленинграду. Майор Костров был молод — лет тридцати пяти, не больше, — с гладко выбритым лицом и маленькими, цепкими глазами, которые не моргали. На столе перед ним лежала папка с грифом «Совершенно секретно» и стояла кружка с мутной водой — больше в кабинете не было ничего.

— Ухтомский, — сказал Костров без приветствия. — У вас есть трое суток.

— На что, товарищ майор?

Костров подвинул к нему папку. Алексей открыл. Внутри лежал листок, исписанный карандашным почерком, — торопливым, с обрывающимися строками, как будто человек писал на коленке, в темноте и под пулями.

Восемь фамилий.

Первая — Беляев С.Т., директор Эрмитажа.

Остальные Алексей прочитал про себя. Ничего не сказал.

— Фронтной госпиталь, — продолжил Костров. — Полковник Трофейной комиссии, фамилию называть не буду. Вчера умер. Успел назвать эти фамилии перед смертью. Сказал дословно: «Они держат императорское золото. Весь список. Начинайте с Беляева».

— Документы?

— Нет документов. Только слова умирающего.

— И вы им верите?

Костров посмотрел на него немигающим взглядом.

— Я верю своей интуиции, капитан. А интуиция подсказывает, что это не бред дистрофика. Полковник был в своём уме. Он что-то знал. Выясните — что.

Алексей захлопнул папку.

— Почему я? У вас есть особый отдел. Есть контрразведка.

— Потому что вы историк, — сказал Костров, и в голосе его впервые проскользнуло что-то похожее на уважение. — Геральдика, нумизматика, царские ценности. Это ваша тема. И потом... — Он сделал паузу. — Вы не из наших. У вас нет друзей в НКВД. А это значит, что вы не будете покрывать своих.

Алексей промолчал. Он знал, что это значило на самом деле: его можно будет подставить, обвинить, расстрелять — и никто не заступится.

— Трое суток, — повторил Костров. — Восемнадцать ноль-ноль десятого января доложите. Или не доложите — в зависимости от результатов.

— Есть, — сказал Алексей.

Он встал, взял папку и вышел в коридор.

Коридоры Смольного пахли махоркой, карболкой и страхом. Пахли так, как пахнут все коридоры власти в осаждённом городе — смесью формальдегида и адреналина.

Алексей шёл быстро, стараясь не смотреть на двери с табличками «Особый отдел», «Контрразведка», «СМЕРШ». За каждой из них сидели люди, которые завтра могли подписать ему смертный приговор, а послезавтра — забыть его имя.

На лестнице его окликнули.

— Капитан!

Он обернулся. На верхней площадке стоял капитан из особого отдела — худой, бледный, с землистым лицом блокадника. Они были знакомы шапочно, фамилии Алексей не помнил.

— Слышал, — сказал капитан, спускаясь на две ступеньки. — Костров вам папку передал. Восемь фамилий.

— Откуда вы?

— Уши есть, — капитан усмехнулся. — В этом доме стены разговаривают. Вы знаете, что вам поручили?

— Проверку.

— Нет. Вам поручили убить восьмерых.

Алексей остановился.

Капитан подошёл ближе, заговорил шёпотом:

— Список — это смертный приговор, Ухтомский. Не вам. Им. Тем, чьи фамилии там написаны. Вы думаете, Костров хочет правду? Ему нужны исполнители. Вы — просто палач. Палач в погонах капитана госбезопасности.

— Вы это к чему?

— К тому, что если вы начнёте копать, вы либо найдёте то, что их устроит, и тогда восемь человек умрут. Либо не найдёте ничего, и умрёте вы сами. — Капитан развернулся и пошёл вверх по лестнице. — Подумайте, капитан. Подумайте, прежде чем лезть.

Алексей смотрел ему вслед, пока шинель не скрылась за поворотом.

«Список — это смертный приговор».

Он открыл папку, снова прочитал первую фамилию.

Беляев С.Т., директор Эрмитажа.

Человек, который хранит в своих подвалах то, что уцелело от царского золота. И который, возможно, знает про браслет Анастасии больше, чем говорит.

Алексей закрыл папку, сунул её под мышку и вышел на мороз.

Трое суток.

Он знал, что они станут самыми длинными в его жизни.

Глава 2. «Альбом из подвала»

Время: 6 января 1942 года, 14:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, подвал

Блокада | Алексей Ухтомский

В Эрмитаже было холоднее, чем на улице. Подвал — бетонные стены, низкий потолок, сырость, которая пробирала до костей, — казалось, промёрз насквозь за два месяца блокады. Единственный плюс: бомбы сюда не долетали. Толща земли и гранита держала лучше любой брони.

Алексей спускался по крутой лестнице, держась за ржавые перила. Ступеньки хрустели под ногами — то ли крошка бетонная, то ли замёрзшая грязь. В кармане лежал мандат, подписанный Костровым. «Капитану Ухтомскому А.И. для проведения следственных мероприятий». Ни слова о том, каких именно. Удобная формулировка.

Внизу его ждал старик.

Сторож Илья Петрович — так его представили — сидел на перевёрнутом ящике, положив руки на колени. Ему было лет семьдесят, а может, и все восемьдесят — в блокаду возраст определяли на глаз и ошибались в обе стороны. Лицо — сетка морщин, глаза — выцветшие, голубые, с красными прожилками. На нём была старая ливрея, ещё царская, перешитая на советский лад, с нашивками, которых Алексей не узнал.

— Вы из НКВД? — спросил сторож без страха.

— При комиссии, — уклончиво ответил Алексей. — Мне нужна ваша помощь.

— Я никчёмный человек. Дворник. Подметаю полы.

— Вы работаете в Зимнем дворце с 1913 года. Я прав?

Старик промолчал.

— Вы помните императора. Вы помните, как выносили ценности в девятнадцатом году.

И вы знаете, где здесь тайники.

Илья Петрович поднял на него глаза. В них не было удивления — только усталость.

— А вы, батенька, начитанный, — сказал он. — Откуда знаете?

— Мне сказал один человек. Вчера. Перед смертью.

— Много нынче умирающих.

— Он назвал восемь фамилий. Ваша среди них нет. Но ваше имя — Илья Петрович Карелин — фигурирует в акте изъятия ценностей от 1919 года как понятой.

Старик крякнул, постучал костяшками пальцев по ящику, на котором сидел.

— И что вы хотите?

— Показать мне альбом.

Пауза длилась долго. Слышно было, как сверху, через перекрытия, доносится гул — то ли обстрел, то ли тяжёлая машина едет по Дворцовому мосту.

— Откуда вы знаете про альбом? — спросил Карелин.

— Я же сказал: мне сообщили.

— Врёте. Тот полковник, что умер, — он про альбом не знал. Про альбом знают только я и... — старик запнулся.

— И кто?

— Никто. Никто не знает. Идите, капитан. Я ничего не видел, ничего не помню.

Он попытался встать, но Алексей положил руку ему на плечо. Не сильно, но настойчиво.

— Илья Петрович, — сказал он тихо, — вы работали на императора. Потом работали на Временное правительство. Потом на большевиков. Вы пережили гражданскую, коллективиза-

цию, репрессии. Вы не тот человек, который боится умереть. Вы боитесь, что правда умрёт вместе с вами.

Карелин замер.

— Я не хочу, чтобы она умирала, — продолжил Алексей. — Я хочу её сохранить. Так же, как вы сохранили альбом.

Старик медленно сел обратно.

— Вы опасный человек, капитан.

— Я историк. Это опаснее.

Карелин усмехнулся — сухо, без радости. Встал, кряхтя, подошёл к дальней стене. Провёл рукой по кирпичной кладке. Нажал на один из кирпичей — тот ушёл внутрь, как поршень.

За стеной щёлкнул замок.

Карелин просунул руку в образовавшуюся щель и вытащил альбом. Кожаная обложка, потрескавшаяся от времени, на углах — потёртая бронза. Дубовые доски внутри.

— Вот, — сказал он. — Смотрите.

Алексей открыл альбом.

Фотографии. Чёрно-белые, с выцветшими краями, наклеенные на плотную бумагу. Крупным планом — броши, серьги, колье, диадемы, браслеты. Рядом с каждым снимком — рукописная опись: вес, проба, происхождение, инвентарный номер.

Он перелистывал страницу за страницей, пока не дошёл до конца.

Последняя фотография.

Браслет. Тонкое золото, императорский орёл на застёжке. Гравировка внутри — на снимке её не было видно, но в описи значилось:

«Браслет дамский, золото 585 пробы. На внутренней стороне гравировка „А.Р.“. Вес 24 грамма. Происхождение: собственность великой княжны Анастасии Романовой. Изъят в Екатеринбурге, июль 1918 года. Передан в комиссию по учёту ценностей 12 августа 1918 года.»

Алексей поднял глаза.

— Он самый, — сказал Карелин. — Браслет княжны.

— Где он сейчас?

— Не знаю. В описи 1919 года он есть. В описи 1920-го — нет. Пометка: «Утрачено при транспортировке». Но я эту цацку видел своими глазами в двадцать первом году. На руке у женщины.

— Какой женщины?

— Жены чекиста, который вывозил ценности из Екатеринбурга. Он тогда в нашем доме жил, в коммуналке. Фамилия его — Ланской. Фёдор Ланской. А жену звали Екатерина. Она ювелиром была.

— Вы уверены, что это был тот же браслет?

Карелин вздохнул.

— Я в ювелирке не специалист, капитан. Но орёл — он везде орёл. И гравировку я разглядел: «А.Р.» Anastasia Romanova. Не перепутаешь.

Алексей закрыл альбом.

— Вы можете поклясться? Перед следователем? Перед судом?

— Могу. Только судов теперь нет. Есть «тройки». А я на тройках клясться не собираюсь.

— Я не из «тройки».

— Все вы из одной бригады, — сказал Карелин устало. — Разные погоны — одна порода. Но вам я верю. Не знаю почему. Может, потому, что глаза у вас не как у них. — Он показал пальцем в потолок. — Там, наверху.

Алексей достал из кармана фотоплёнку — немецкую, «Лейку», которую привёз из Пскова в прошлом году. Сделал три снимка: браслет, опись, пометку об утрате.

Карелин смотрел, не мешал.

— Делайте, — сказал он. — Всё равно пропадать. А вы, капитан, запомните: Ланской — это не просто фамилия. Это цепочка. Отец, сын, внуки. Они как змеи — одна голова отрублена, три вырастают.

— Вы знаете, где сейчас Ланской-сын?

— В Пскове, говорят. К немцам подался. Продаёт то, что его отец украл. И браслет, если не у него, то у его наследников. Ищите, капитан. Только осторожно. Они кусаются.

Алексей убрал фотоплёнку в карман гимнастёрки.

— Спасибо, Илья Петрович.

— Не за что, — старик взял альбом и убрал его обратно за кирпич. — Приходите, если ещё что. Только предупредите заранее. Я быстрый на подъём.

Алексей поднялся наверх, в залы. Сквозь заколоченные окна пробивался тусклый свет. Где-то наверху, в Павильонном зале, часы «Павлин» всё ещё отсчитывали время. Алексей подумал о том, что часы эти — живой свидетель всего. Императоров, войн, революций, блокады. И, может быть, он сам когда-нибудь спрячет что-то в их механизме, чтобы дожить до лучших времён.

Он вышел на Дворцовую площадь. Мороз кусал лицо.

Трое суток.

Двое осталось.

Глава 3. «Пропажа в описи»

Время: 8 января 1942 года, 11:00

Место: Ленинград, публичная библиотека (бомбоубежище)

Блокада | Алексей Ухтомский

Публичная библиотека на Невском выглядела так, будто по ней прошёлся ураган. Окна заколочены фанерой, стены в выбоинах от осколков, крыша кое-где заделана рубероидом. Сентябрьская бомба угодила в правый флигель, и теперь половина здания стояла заколоченной, с чёрными провалами вместо окон. Другая половина работала — но не как библиотека, а как бомбоубежище и архив.

Алексей поднялся по ступеням, стараясь не смотреть на свежие воронки во дворе. У входа дежурила старуха в ватнике и платке, с красной повязкой на рукаве. Она молча ткнула пальцем в сторону подвала.

— Туда. У нас тут не читальня, — голос у неё был скрипучим, как несмазанная дверь.

В подвал вела крутая лестница без перил. Ступени были скользкими от наледи, и Алексей дважды едва не полетел вниз. Света не было — только керосиновые лампы на стенах да редкие свечи в руках у людей, сидевших на корточках вдоль стен.

Здесь пахло так, как пахнут все убежища в блокадном городе: мокрой шерстью, махоркой, кислой капустой и тем самым сладковатым запахом столярного клея, который заменял людям бульон. С потолка капало — где-то наверху таял снег, и вода просачивалась сквозь перекрытия.

Алексей прошёл в дальний конец подвала. Там, за вешалкой с одеждой, в маленькой комнатке без окон, сидел хранитель.

Старик был одет в чёрный потёртый сюртук, поверх которого намотан шерстяной платок. Седая борода клинышком, цепкие серые глаза, тонкие губы. На столе перед ним — стопка папок, чернильница, гусиное перо (откуда в сорок втором перо?) и оловянный подсвечник с огарком.

Алексей показал удостоверение.

— Лейтенант госбезопасности Ухтомский. Мне нужны документы за 1918 год. Изъятие ценностей из дома Ипатьева в Екатеринбурге.

Старик не взял удостоверение. Только посмотрел на Алексея долгим, изучающим взглядом — тем особым взглядом, каким смотрят люди, которые в этой жизни видели всё и ничему не удивляются.

— Вы не из тех, кто обычно приходит, — сказал он тихо. Голос — шёпот, почти беззвучный. — У вас лицо другое. Не палаческое.

— Я историк, — ответил Алексей. — По образованию.

— А по должности? — старик усмехнулся. — Палач?

— Следователь.

— В наше время это одно и то же.

Он, однако, поднялся, достал с полки пухлую папку, перевязанную бечёвкой. На обложке — выцветшая надпись: «Ценности Романовых. Акт изъятия. Екатеринбург. 1918». Поставил на стол.

— Распишитесь. И листайте при мне. Бумаги ветхие, не любят чужих рук.

Алексей расписался в потрёпанном журнале, развязал бечёвку.

Папка была старой, с пожелтевшими краями, некоторые страницы подклеены, другие — с утратами. Он открыл первую.

Акт изъятия. Составлен 19 июля 1918 года, через два дня после расстрела. Подписи — членов комиссии, понятых, представителей местного Совета.

Список предметов занял три страницы.

Алексей водил пальцем по строчкам, читая вслух про себя.

«Кольцо золотое с бриллиантом (три карата) — 1 шт.»

«Серьги с сапфирами и бриллиантами (парные) — 1 пара.»

«Брошь с рубином и бриллиантовой веткой — 1 шт.»

«Жемчужная нить (57 жемчужин) — 1 шт.»

«Браслет золотой с гравировкой — 1 шт.»

Он перечитал последнюю строчку дважды.

Браслет был. Но не с гравировкой «А.Р.». Без указания, чей он и какие инициалы. Просто «браслет золотой с гравировкой».

— Это всё? — спросил он, не поднимая головы.

— Что вы имеете в виду? — старик смотрел поверх его плеча.

— Список неполный. Я знаю, что в доме Ипатьева нашли тайник. Там были десятки предметов. Кольца, броши, нитки жемчуга. Здесь половины нет.

— Война, — пожал плечами хранитель. — Беспорядки. Часть вещей разграбили, часть — потеряли.

— Потеряли? — Алексей поднял голову. — Или кто-то вынес?

Старик ничего не ответил. Только пошевелил пальцами в воздухе, будто считал что-то невидимое.

Алексей перелистнул следующую страницу.

Приписка. Сделана другим почерком, не тем, которым писан акт. Крупным, размашистым, карандашом, почти выцветшим, но читаемым.

«Утрачено при транспортировке. Свидетели — мл. сотр. Ланской Ф., мл. сотр. Глухов Г.»

Алексей замер.

Ланской и Глухов. Те же фамилии, что в прологе. Те же люди, которые нашли тайник и вывезли браслет. И они же — свидетели «утраты».

— Вы знаете этих людей? — спросил он, указывая на строчку.

— Ланского — да, — ответил хранитель. — Фёдор Ланской. Чекист. Работал в Питере после гражданской. Был уволен в тридцатых, арестован в тридцать седьмом, расстрелян. — Он помолчал. — Глухов — его напарник. Тоже работал в органах. Дослужился до полковника. Жив до сих пор. Где — не знаю.

— А сын Ланского? Михаил?

Старик усмехнулся.

— И вы туда же. Все ищете Ланского-младшего. Что вам нужно? Деньги? Золото? Браслет, который вы ищете?

— Откуда вы знаете про браслет?

— Угадал. — Старик повернулся к нему, и на секунду в его глазах блеснуло что-то живое, почти насмешливое. — У вас у всех одна песня. Приходят, спрашивают про браслет. Тот полковник, что умер на прошлой неделе, — он тоже приходил. Тоже спрашивал. Я ему сказал то же, что вам: смотрите сами, бумаги не горят.

— Какой полковник?

— Из Трофейной комиссии. Фамилии не называл. Сказал только — «задание сверху». Был здесь за день до смерти. Листал ту же папку. Исчеркал что-то в своём блокноте, потом ушёл. А через день — его убили. — Старик перекрестился. — Царствие небесное.

Алексей выпрямился.

— Вы знаете, кто его убил?

— Откуда? Я старый, немощный. Сажу в подвале, бумаги перебираю. Но... — Он наклонился ближе, шёпот стал ещё тише. — У вас есть враги, капитан. Они уже знают, что вы здесь были.

— Кто?

— Те, кто следит за каждым, кто ворошит это дело. Они приходят после вас. Проверяют, что вы смотрели. Что писали. Убирают следы.

— Вы видели их?

— Я их слышу. Шаги. Двое, а то и трое. Входят тихо, без стука. Спрашивают журнал, смотрят, кто и когда брал папку. Потом уходят.

— Когда они приходили в последний раз?

— Вчера. Часом раньше вас. Вы не встретились? — Старик усмехнулся. — Значит, повезло.

Алексей положил папку на стол. Достал блокнот, карандаш.

— Вы не возражаете, если я скопирую страницу?

— Ваша работа. Но быстро. Время не ждёт.

Алексей перерисовал опись — только ту часть, где была пометка об утрате. Сделал это аккуратно, стараясь не пропустить ни одной буквы.

Ланской Ф.

Глухов Г.

Свидетели «утраты».

Значит, они вдвоём оформили пропажу браслета. Вдвоём подписали бумагу. Вдвоём знали, что браслет не потерян, а украден.

Вопрос: куда он делся потом? Кому достался? И где сейчас?

Алексей захлопнул папку.

— Спасибо.

— Не за что, — старик взял папку, поставил на полку. — Только помните, капитан. Бумаги — они многое помнят. Но ещё больше помнят люди.

— Вы знаете, где Ланской-младший сейчас?

— В Пскове. Или в Риге. Или уже в Берлине. Он ушёл к немцам. Продаёт то, что его отец украл. Будет и браслет продавать, если ещё не продал.

— А вы откуда знаете?

— Я старый, — повторил хранитель. — Но не глухой. Уши есть, глаза есть. Слухами земля полнится.

Алексей спрятал блокнот в карман.

— Ещё один вопрос. Полковник из Трофейной комиссии — он оставлял вам что-то? Может, записку? Конверт?

Старик задумался. Потом медленно, неуклюже, полез под стол. Шуршал чем-то долго, наконец вытащил маленький конверт из грубой серой бумаги.

— Сказал — отдать человеку из НКВД с фамилией Ухтомский. Я подумал — мало ли Ухтомских. А вы пришли. Значит, судьба.

Он протянул конверт.

Алексей разорвал бумагу. Внутри — сложенный вчетверо листок, исписанный тем же торопливым карандашным почерком, что и список фамилий у Кострова.

«Лейтенант Ухтомский. Меня убьют. Улики — в банке, ячейка 734. Ключ — у моей жены. Ищите браслет. Он стоит больше, чем вы думаете.»

Подпись — неразборчиво. Но Алексей понял: тот самый полковник из госпиталя. Тот, который назвал восемь фамилий. Он знал про браслет. И успел оставить послание перед смертью.

Алексей спрятал письмо во внутренний карман.

— Спасибо, — сказал он ещё раз.

— Идите, капитан. И будьте осторожны. Враги уже знают, что вы здесь. Они придут следом.

Алексей кивнул и вышел.

На лестнице он на секунду замер, прислушиваясь. Сверху доносились голоса, шаги, редкие выстрелы — далеко, на фронте. Но здесь, в подвале, было тихо.

Он поднялся наверх и почти сразу понял: старик был прав.

У входа в библиотеку, в тени арки, стоял человек. Тёмная шинель, надвинутая на глаза шапка, руки в карманах. Он не смотрел прямо на Алексея, но чувствовалось: ждал именно его.

Алексей не стал проверять, последует ли за ним незнакомец. Просто свернул в переулок, ускорил шаг и через квартал смешался с толпой.

Враг знал. Враг следил.

Но враг не знал главного: Алексей уже был на шаг впереди.

Ячейка 734. Банк. Жена полковника.

Он знал, куда идти завтра.

Глава 4. «Псковский перекупщик»

Время: 12 января 1942 года, 20:00

Место: Ленинград, окраина, конспиративная квартира

Блокада | Алексей Ухтомский

Конспиративная квартира находилась в промзоне за Обводным каналом, в полуподвале бывшего складского помещения. Сюда редко заглядывали патрули — слишком далеко от центра, слишком мало жилых домов. Идеальное место для встреч, о которых не положено знать начальству.

Алексей пробирался по узкому переулку, перепрыгивая через груды мусора и битого кирпича. Дом, который он искал, стоял в глубине двора, чёрный от копоти, с выбитыми окнами. Единственное окно на первом этаже светилось — завешено одеялом, но щели выдавали тусклый жёлтый свет.

Он постучал: три коротких, два длинных, пауза, один.

Дверь открыла женщина лет сорока, в мужском пиджаке и платке. Она молча кивнула и пропустила его внутрь.

В комнате было тесно и душно. Пахло махоркой, кислой капустой и ещё чем-то сладковатым — то ли горелым сахаром, то ли самогоном. У стены стояла железная печка-буржуйка, на ней — закопчённый чайник. Посередине — стол, покрытый клеёнкой, на столе — керосиновая лампа и полбуханки чёрного хлеба. На стене — портрет Ленина, чуть криво висящий, и плакат «Всё для фронта, всё для победы!».

За столом сидел коренастый мужчина в телогрейке. Ему было под пятьдесят — лицо в морщинах, густые брови, на рукаве — нашивки за ранения. Две штуки: лёгкое и тяжёлое. Алексей видел такие на фронтовиках, которых отзывали в тыл после госпиталя.

— Ухтомский? — спросил мужчина, не вставая. Голос хриплый, прокуренный.

— Он самый.

— Садитесь.

Алексей сел на табуретку напротив. Женщина вышла, притворив за собой дверь.

— Меня зовут Егоров, — представился мужчина. — Бывший старший лейтенант, теперь при партизанском штабе. Наши разведчики в Пскове передали кое-что. Касается вашего дела.

— Слушаю.

Егоров достал из кармана телогрейки смятую бумажку, развернул, положил на стол.

— В Пскове объявился перекупщик. Торгует антиквариатом — иконы, серебро, фарфор. Из-под полы, конечно, открыто не выставляется. Немцы знают, берут свой процент. Наши люди вышли на него через местного полицая.

— Что за перекупщик?

— Бывший сотрудник ВЧК. Фамилия — Ланской. Михаил Ланской, сын того самого Фёдора Ланского, который в восемнадцатом году ценности вывозил. — Егоров усмехнулся. — Яблоко от яблони недалеко падает.

Алексей взял бумажку, прочитал. Список того, что продаёт Ланской-младший: иконы в окладах, серебряные портсигары, фарфор, картины. В самом конце — «браслет золотой, императорский орёл, гравировка А.Р.».

— Браслет, — вслух прочитал Алексей. — Тот самый.

— Ваш? — спросил Егоров.

— Мой — в том смысле, что я его ищу. Он изъят в Екатеринбурге в восемнадцатом году, потом исчез. Теперь всплыл в Пскове.

— Немцы хотят купить, — сказал Егоров. — Ланской просит десять килограммов золота или вывоз в Германию. Говорит, у него есть покупатель в Берлине.

— Кто покупатель?

— Неизвестно. Но человек серьёзный, связано с верхами.

Алексей положил бумажку на стол.

— Вы хотите, чтобы я пошёл туда?

— Не я. Командование. Они знают о вашем расследовании. И знают, что вы работали под легендой в Прибалтике до войны. Умеете говорить по-немецки, по-польски. Лучшего кандидата нет.

— За линию фронта?

— А вы боитесь? — Егоров усмехнулся. — Война, капитан. Все боятся. Но дело надо делать.

Алексей помолчал.

— Какая легенда?

— Поляк. Коммерсант, скупает антиквариат для частного коллекционера в Варшаве. Язык знаете. Документы сделаем. Человек, который будет вас сопровождать, — тоже поляк, он в Пскове уже был, знает местные порядки.

— Когда?

— Через два дня. Перейдёте фронт в районе Старой Руссы, там тихо. Доберётесь до Пскова на подводе. Встреча с Ланским — через четыре дня, в немецкой комендатуре. Он там бывает, под крышей.

— Он знает, что я приду?

— Нет. Скажете, что от шведского посредника. У нас есть контакты в Стокгольме, они подтвердят. Ланской не будет проверять — ему нужны деньги.

Алексей закурил. Папироса дрожала в пальцах — не от страха, от общей слабости. Сто двадцать пять граммов хлеба в день, баланда из столярного клея, постоянный холод — всё это делало своё дело. Он уже не помнил, когда спал нормально.

— А если меня раскроют?

— Тогда мы вас не знаем, — жёстко сказал Егоров. — Вы действуете самостоятельно. Без приказа, без поддержки. В плен не сдаваться. Ясно?

— Ясно.

— Будете брать браслет?

— Браслет — это улика. Мне нужно найти его. Но главное — взять Ланского. Живым.

— Немцы его не отдадут. Он приносит доход.

— Значит, придётся договариваться.

Егоров усмехнулся.

— Вы самоуверенны, капитан. Это и хорошо, и плохо.

— Это опыт, — сказал Алексей. — Я уже воевал. И не в таких переплётах бывал.

— Тогда решено. Завтра в шесть утра у складов на Обводном. Машина до Старой Руссы. Дальше — пешком. Проводник будет ждать. — Егоров встал, протянул руку. — Удачи.

— Спасибо.

Алексей вышел на улицу. Мороз кусал лицо, снег скрипел под ногами. Он посмотрел на часы — половина девятого. Времени до выхода оставалось меньше десяти часов.

Дома он собрал рюкзак. Тёплые вещи, запасная пара портянок, сухой паёк на три дня, наган с двумя обоймами. В отдельный карман — фальшивые документы на имя Станислава Ковальского, жителя Варшавы.

Перед сном он достал дневник, написал несколько строк.

«12 января. Иду в Псков. Ланской-младший продаёт браслет. Надеюсь взять его живым и вернуть браслет в Эрмитаж. Если не вернусь — дело продолжит кто-то другой.»

Он закрыл дневник, спрятал в тайник — за печкой, под отвалившимся кирпичом.

Потом лёг на кровать, укрылся шинелью и закрыл глаза.

Сон не шёл.

Перед глазами стоял браслет. Тонкое золото, императорский орёл, гравировка «А.Р.».

Восемьдесят лет назад его спрятала княжна Анастасия, надеясь сохранить для будущего.

Через два дня он, может быть, подержит его в руках.

Или умрёт.

Алексей уснул только под утро.

Глава 5. «Встреча с Л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.